

Валерий Ковалев

ПЕРА ИЖОТНИША

(КНИГА 2)

18+

Валерий Ковалев
Терра инкогнита. Книга 2

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Ковалев В. Н.

Терра инкогнита. Книга 2 / В. Н. Ковалев — «ЛитРес: Самиздат»,
2001

Книга вторая. "У рыцарей плаща и кинжала". Об учебе в Высшей Краснознаменной школе КГБ СССР имени Феликса Эдмундовича Дзержинского, службе в морской контрразведке, борьбе со шпионажем и дальних походах.

© Ковалев В. Н., 2001
© ЛитРес: Самиздат, 2001

Валерий Ковалев

Терра инкогнита. Книга 2

Часть 1. Дом на Ленинградке

« Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь...»

А.С.Пушкин

Москва встретила солнцем, теплом и запахом разогретого асфальта.

Получив в багажном отделении чемодан, подхожу к веренице такси, стоящих у здания аэропорта. Водители с интересом разглядывают мою флотскую форму и весело предлагают свои услуги. Останавливаю выбор на пожилом таксисте в форменной фуражке, называю адрес.

–Далековато едешь, морячок,– говорит он и заламывает двадцать рублей.

–А в Балашихе конкретно куда, она не малая?

Называю адрес.

–Это никак к "зеленым человечкам?» – вопрошает водитель,– так бы и сказал.

Я не знаю, о каких человечках идет речь, но часть, куда мне надлежит прибыть для сдачи экзаменов, по описанию имеет длинную зеленую ограду, тянущуюся вдоль автострады.

Еще через минуту мы вырливаем со стоянки, и я с интересом рассматриваю открывающиеся перед глазами пейзажи Подмосковья.

После Заполярья они впечатляют обилием лесов с рощами, разнообразием весенних красок и запахов.

В Балашиху въезжаем через несколько часов, минуем ее, и, следуя вдоль автострады, окаймленной густым сосновым бором, добираемся до нужного места.

Такси останавливается на небольшой стоянке у встроеного в зеленое ограждение кирпичного строения КПП. Расплачиваюсь, забираю вещи, открываю глухую дверь, вхожу.

В помещении встречает средних лет прапорщик с кобурой на портупее. Докладываю о прибытии.

Он внимательно изучает мой военный билет с предписанием и куда-то звонит, после чего предлагает пройти в расположенную за КПП курилку, подождать сопровождающего.

За почти трехлетнюю службу мне пришлось повидать немало флотских подразделений, которые, как правило, отличались благоустроенностью и чистотой.

Тут же с первого взгляда было видно, что в этой части все на порядок выше.

Впечатляло само ограждение, выполненное из тщательно подогнанных трехметровых досок, окрашенных в зеленый цвет, сам контрольно-пропускной пункт, территория курилки с удобными скамейками и бетонным покрытием, окаймленная цветочной клумбой.

Метрах в пятидесяти, параллельно ей, тянулась асфальтированная аллея, исчезающая за сосновым бором. И воздух здесь был по-настоящему свежий, лесной.

Через несколько минут на аллее показался коренастый моряк в синей робе, Свернул с нее на бетонную дорожку, подошел.

Знакомимся. Парня зовут Александр Екименко. Он старшина 1 статьи с Тихоокеанского флота, по специальности шифровальщик. Как и я приехал поступать в Высшую школу несколько дней назад. Сегодня дневалит, встречая прибывающих из армейских и флотских частей абитуриентов.

После этого мы выкуриваем по сигарете и идем по аллее влево, туда, где виднеются какие-то строения.

Они находятся метрах в трехстах от КПП и представляют собой окрашенные в ярко-зеленый цвет аккуратные щитовые дома, в каждом из которых может разместиться около полуроты.

Строения стоят в два ряда, по четыре в каждом. Площадка между ними заасфальтирована. Перед домами, справа, под сенью высоких елей, обширная курилка со скамейками и «грибком». В дальнем конце просматриваются открытый умывальник человек на пятьдесят, и рядом с ним спортивная площадка, оборудованная различными физкультурными снарядами, а также волейбольной сеткой.

В курилке, усиленно дымя сигаретами, расположилась группа сержантов и старшин самых различных родов войск.

Здесь пограничники в зеленых фуражках, десантники в голубых беретах, танкисты артиллеристы и пехотинцы в пилотках, а также несколько моряков в синих и белых робах. Как всегда в таких случаях, идет оживленная травля, прерываемая раскатистым хохотом.

Все ребята как на подбор, рослые, крепкие и подтянутые, в ладно подогнанном полевом обмундировании.

При нашем появлении разговор прерывается – знакомимся.

Ребята сообщают, что жить здесь можно – казармы удобные, кормежка неплохая и с дисциплиной не досаждают. Но ухо следует держать остро, поскольку за малейшую провинность могут откомандировать в часть.

Принимаю полученную информацию к сведению и вместе с моряками иду в отведенное для нас жилище. Там сдаю командировочные документы дежурному офицеру, и мне определяют спальное место, после чего переоблачаюсь в робу, сдав вещи на хранение в баталерку*.

Еще через пару часов, строем шагаем по уже знакомой аллее на ужин.

Столовая расположена примерно в полукилометре от жилого городка и представляет собой одноэтажное кирпичное здание с верандой и вычурной крышей.

Там довольно просторно и уютно – кафельный пол из метлахской плитки, разноцветные пластиковые столики на четверых, на окнах кисейные занавеси, под стенами раскидистые фикусы в вазонах. Здесь же, в смежном зале, находится кафе с обширной стойкой и витриной.

Вопреки ожиданиям, еда оказывается довольно скудной и не идет ни в какое сравнение с флотской. Тем не менее, сухопутчики навораживают ее с аппетитом и даже хвалят. Мы же прикупаем в кафе несколько бутылок кефира, вареной колбасы и булок. Теперь нормально.

После ужина, до отбоя проводим время в курилке, продолжая знакомиться и обмениваясь новыми впечатлениями.

В последующие два дня на объект прибывают все остальные абитуриенты из самых различных военных округов и армейских группировок, расположенных за границей.

Нас примерно четыреста человек. Контингент – сержанты и старшины (рядовых почти нет) всех родов войск.

Кроме того, имеется группа офицеров и прапорщиков госбезопасности, направленных для поступления в ВКШ территориальными подразделениями КГБ.

Ранним утром третьего дня, одетых в парадную форму нас выстраивают на плацу перед штабом части (он в другом конце объекта), вслед за чем появляется группа старших офицеров во главе с представительным полковником.

Мы уже знаем, что это начальник объекта полковник Бояринов. Впоследствии Герой Советского Союза, погибший в одной из спецопераций в Афганистане.

–Товарищи абитуриенты! – обращается он к нам, – поздравляю с прибытием на объект Балашиха, Высшей Краснознаменной школы КГБ СССР имени Феликса Эдмундовича Дзержинского, куда вы имеете честь поступать. Не сомневаюсь, что нашими коллегами на местах для этого отобраны наиболее достойные сержанты и старшины.

Однако это не значит, что экзамены станут для вас простой формальностью.

Наоборот, они будут предельно строгими, что позволит объективно осуществить набор слушателей для обучения в Школе.

С сегодняшнего дня начинается самоподготовка, помощь в которой вам окажут опытные педагоги. Через месяц экзамены, по результатам которых определится дальнейшая ваша судьба. У меня все.

После этого нас разбивают по учебным группам, формируемым по родам войск: пограничная, морская, несколько общевойсковых и офицерская.

В нашей морской группе порядка сорока человек.

Среди них, впоследствии зачисленные в ВКШ, черноморцы Юрий Свергун, Сергей Семенов и Константин Бобков; балтийцы Семен Иванов, Борис Рыбаков и Александр Петрушкин; тихоокеанцы Сергей Токарь, Александр Екименко и Евгений Худяков; североморцы Василий Нечай, Владимир Мазаев, Игорь Комар, Виталий Мельничук, а также Иван Харин

Из названных ребят мы с Нечаем служили на подводных лодках; Мазаев, Токарь, Комар и Бобков – на надводных кораблях; Харин с Петрушкиным – в морской авиации; Екименко на узле связи главного штаба ВМФ; Рыбаков – в подразделении боевых пловцов; Худяков – в морской пехоте; Свергун, Иванов и Семенов – во флотских учебных отрядах.

Срок службы у всех от полутора до трех лет. За плечами морские походы, учения и сборы. Многие отличники ВМФ и классные специалисты.

Впечатляют и физические данные. Парни в подавляющем большинстве рослые и тренированные, многие имеют спортивные разряды. Боря Рыбаков даже мастер спорта по самбо.

Есть здесь еще одна группа абитуриентов. Очень необычная.

В ней три десятка студентов МВТУ имени Баумана и выпускников московских школ с математическим уклоном. В полевой солдатской форме эти пацаны выглядят уморительно.

Обмундирование на них висит как на вешалках, тонкие ноги болтаются в яловых сапогах, пилотки налезают на оттопыренные уши. Зовем мы этих ребят «биномами». Из них будут готовить офицеров оперативно – технических подразделений госбезопасности.

При всей своей неброской внешности они очень умны, и постоянно беседуют о высоких материях: биноме Ньютона, теории относительности Эйнштейна, а также других, малопонятных нам вещах. Командует ребятами сержант с университетским «поплавком».

Однажды в курилке слышим, как один из них жалуется другому. – Представляешь, Андрюша, я проспал подъем, и товарищ сержант вечером приказал мне вымыть туалет. Я спрашиваю – чем? А он отвечает, руками.

Разве так можно?

– Да, Витя, тут много странного. Все сержанты кушать ходят строем и поют какие-то дикие песни, а разговаривают только о службе и девушках. А еще они сапоги утюгами гладят, я сам видел...

Мы так и повалились со скамейки.

Уже в первую неделю абитуриенты более – менее знали друг друга, и по вечерам в курилке шел оживленный треп.

Пограничники рассказывали, как ловили нарушителей границы, десантники – про прыжки с парашютами, моряки о плаваниях

К нам все остальные относились с явным уважением. Прослужили мы на год, а то и два больше, что на срочной службе многое значит.

Большинство моряков были рослыми, ходили в синих робах, хромовых ботинках и берегах, а мы с Васей Нечаем – в черных пилотках.

– Почему так? – как-то поинтересовались десантники.

– Мы служили на подводных лодках, – ответил Нечай.

– Атомных?

– Ну да.

– Расскажите.

Ну, мы и рассказали.

Слушали, открыв рты. Особенно сухопутных поразило, что атомоходы могут несколько месяцев не всплывать, а еще личному составу выдают вино и шоколад.

– У нас такое полагается только летчикам, – сказал один из авиаторов.

– А облучиться на этих лодках можно? – задал вопрос второй.

– Бывает, – сказал я. – Хотите анекдот?

– Давай (оживляются ребята)

– Знакомится моряк в отпуске с молодой женщиной, и та приглашает его в гости. Дома хорошо угощает, а потом затаскивает в постель.

Утром просыпаются, хозяйка глядит на парня, а у того на ногах нет пальцев.

– Что это? – тарашит глаза.

– Видишь ли, – отвечает моряк. – Я служу на атомной подводной лодке. А там, как известно, радиация. Ну и чтобы защитить мужское достоинство, нам выдают свинцовые трусы.

И как-то у моих лопнула резинка.

– Га-га-га! – дружно загоготали сержанты.

По воскресеньям многие из нас навещали спортплощадку. Одни увлеченно играли в волейбол, а другие занимались на спортивных снарядах.

И здесь, как говорится, армейские дали нам форы. Они не только выполняли все упражнения обязательного тогда комплекса «воин-спортсмен», но и значительно перекрывали нормативы.

Особенно отличались ребята из ВДВ: выход силой делали до полста раз, подъем переворотом и склепку не меньше, а еще крутили на турнике «солнце».

И нередко устраивали в парах рукопашный бой, выполняя всевозможные броски, подсечки, а также нанося удары.

Но флот никогда не уступал армии.

Как я уже отмечал, в нашей группе имелся матрос Боря Рыбаков, с Балтики. Рослый, атлетического сложения и немногословный. На форменке он носил жетоны «Мастер спорта», а еще «Парашютист» с подвеской, на которой значилась цифра 9. По поводу которых особо не распространялся.

И как-то раз, два сержанта-десантника, продемонстрировав захватывающий бой, стали нас подначивать.

– Ну что, морячки? Кто желает попробовать?

– Я желаю, – лениво встал со скамейки Рыбаков

– Ну, давай, – сказал один, приняв боевую стойку.

Борька, стянув с плеч робу, вразвалку прошел на посыпанную опилками площадку и выполнил аналогичную.

В следующий миг десантник прыгнул вперед, затем раздалось «гуп», и он покатился в сторону.

– Давай еще! – отряхивая опилки, вскочил на ноги.

– Давай, – кивнул Борька.

На этот раз он швырнул противника через голову, только сапоги мелькнули.

– Вот это да (прошелестело среди зрителей).

Затем счастья попытал второй «голубой берет», с тем же результатом.

– А теперь давай попробуем с тобой, – показал пальцем Рыбаков на сидящего с другой стороны площадки, еще одного десантника. В звании старшины.

С первых дней тот привлек общее внимание, своей необычной полевой формой. Она была оранжевого цвета и с многочисленными карманами, а вместо сапог, дополнялась высокими, со шнуровкой берцами.

Наиболее любопытным парень сообщил, что служит в десантно – штурмовых частях особого назначения. Держался он гордо и был всегда в стороне. Типа, я не такой как все. Лучше.

Борькин вызов старшина не принял, молча поднялся с лавки и удалился.

– Чего это он? – поинтересовался Саня Екименко

– Не обращайтесь внимания, ребята – сказал один из «голубых беретов». – Этот малый никакой не спецназ, а штабной писарь.

Кстати, экзамены тот старшина завалил и уехал в свою часть, не солоно хлебавши.

В щитовых домах, расположенных напротив жилых, оборудованных под классы, с девяти часов утра и до обеда, преподавателями с абитуриентами велись каждодневные занятия по русскому языку и литературе, истории СССР, а также иностранным языкам (с учетом изучавшихся на гражданке). После обеда, до ужина – самоподготовка. Заниматься было тяжело, поскольку за время службы многое мы подзабыли.

Спустя несколько дней, вечером, иду из кафе, куда ходил за сигаретами и вдруг сзади крик, – Валерка, черт! Ты откуда?!

Оборачиваюсь, – мой друг детства и соученик по техникуму Юра Павленко.

Сцепились в дружеских объятиях, радости нет предела.

Юра, сержант-артиллерист из Южной группы войск, тоже приехал поступать в это учебное заведение. Вот уж точно тесен мир. Такая встреча.

Уединившись на скамейке в отдаленной аллее, долго вспоминаем друзей и знакомых, оставшихся на гражданке, рассказываем, друг другу о прошлой службе, делимся насущными впечатлениями. А они не радуют.

С каждым днем мы все больше убеждаемся, что поступаем в действительно уникальное учебное заведение, которое готовит специалистов тайной войны. И это не голословные предположения.

Мы уже давно не наивные мальчишки. Армейская и флотская школы приучили к наблюдательности и анализу.

Повседневно общаясь с командным и профессорско-преподавательским составом Школы, мы отмечаем их высокую эрудицию, широкий кругозор, особое поведение с абитуриентами и между собой. Чувствуем, что эти люди знают и умеют неизмеримо больше, чем в настоящее время делятся с нами. Это здорово интригует.

Кроме того, являясь как все люди нашего возраста любознательными, мы неплохо изучили объект и убедились, что он используется не только для занятий с абитуриентами.

Помимо тех мест, которые нам разрешили посещать, на обширной территории, располагаются удаленные друг от друга и укрытые деревьями, одно и двухэтажные коттеджи, где проживают какие – то необщительные люди, явно не гражданского склада.

В глубине леса скрыт хорошо охраняемый полигон с проложенной по нему узкоколейкой, складами и ограждениями из колючей проволоки. В кафе периодически появляются небольшие группы загорелых до черноты молодых офицеров в выцветшем камуфляже, не походящих на армейских.

Мы понимали, эти необычные люди – действующие сотрудники контрразведки и попасть в их число нам будет чрезвычайно трудно. Затем узнали, что они были слушателями КУОС (курсов усовершенствования офицерского состава), на базе которых и была создана впоследствии легендарная «Альфа».

Месяц самоподготовки прошел в поте лица. Занимаемся как проклятые. Многие остаются в аудиториях после ужина до отбоя. Я в их числе. Голова забита темами сочинений, историческими датами, иностранными фразами и словами.

Первый экзамен – история СССР.

Облаченные в парадную форму со всеми заслуженными регалиями, нервно тремся у дверей аудиторий. Приглашают сразу по несколько человек. Я попадаю в первую партию. Вхожу, представляюсь, беру билет. В глазах темнеет – тринадцатый.

– Ну, думаю, капец, – чертова дюжина к добру не приведет. Называю номер билета миловидной преподавательнице, ловя сочувствующие взгляды вошедших вместе со мной ребят.

Сажусь за стол, читаю вопросы билета.

Первый – возникновение, рассвет и падение Киевской Руси. Второй – предпосылки, развитие и поражение первой русской революции 1905 года. Третий – этапы построения социализма в СССР.

Ни по одной из этих тем, ничего существенного на ум не приходит. Однако беру себя в руки и пытаюсь сосредоточиться. Внезапно осознаю, что знаю ответы на все вопросы. Спокойно, опасаясь спугнуть неведомо откуда появившиеся в голове знания, начинаю подготовку. Все получается и постепенно укладывается в конспективные записи.

Мой ответ длится около получаса. Время от времени преподавательница благосклонно кивает головой, затем останавливает меня и констатирует – отлично. Я гляжу на нее и борюсь, – сколько?

– Пять баллов, – повторяет педагог. – По какому пособию вы готовились?

– По учебнику Соловьева.

– Налицо и результат, – улыбается она. – Это очень редкий учебник, берегите его.

Из аудитории выхожу с чувством переполняющей радости.

– Сколько? – вопрошают стоящие у двери потные абитуриенты. – Пять баллов! – чеканю я и с чувством выполненного долга следую в курилку.

Там уже сидят несколько проэкзаменованных. Результаты написаны на их лицах. Сдавшие радостно возбуждены. Получившие "неуд" – молчаливы и подавлены. Сразу же после окончания экзамена, учебник истории под редакцией профессора Соловьева, не смотря на ее протесты, я подарил педагогу.

Этот и последующие экзамены, опустошили наши ряды на добрую половину. Не сдавшие возвращались в свои части для последующей службы или демобилизации.

Ко времени сдачи последнего предмета – иностранного языка мы знали, что поступившими в ВКШ будут считаться абитуриенты, набравшие в общем зачете не менее восемнадцати баллов. Из морской группы таких счастливчиков оказалось всего четырнадцать человек.

Не добрал двух баллов и Юра Павленко. Наше расставание было тягостным и невеселым.

Так как он подлежал демобилизации и уезжал на родину, я попросил друга сообщить моим родителям, где нахожусь в настоящее время, и мы обменялись адресами. Пожимая мне руку на прощание, он заявил, что все равно вернется в Москву, как впоследствии и оказалось.

Ветра в голове у нас тогда еще хватало и мы с Серегой Токарем и Юрой Свергуном, после отбоя рванули в «самоход», решив отметить знаменательное событие. Мероприятие удалось. Перемахнув через забор в глухом месте, мы немного потолкались на городской танцплощадке, и, прикупив пару бутылок вина, без помех вернулись на объект. Правда по дороге к нам привязалась какая-то местная шпана, но быстро отстала, определив по виду, что мы из-за зеленого забора. Видать наши предшественники чем-то их здорово напугали.

На следующий день, на торжественном построении, сдавшие экзамены и прошедшие курс абитуриенты, руководством ВКШ были поздравлены с зачислением на первый факультет Школы, готовивший оперативных работников и следователей для органов контрразведки.

Из нас вновь были сформированы шесть учебных групп, в четырех из которых предполагалось готовить оперативников и в двух следователей.

Группы комплектовались с учетом их последующего целевого использования: одна – пограничная, для оперативной работы в соответствующих войсках, вторая – морская, для ВМФ, третья – сухопутная, четвертая (офицерская) – для службы в территориальных органах

госбезопасности, пятая и шестая – следственные. Состав групп двадцать пять-тридцать человек. Общее число слушателей факультета – сто восемьдесят.

Поскольку в морской группе после экзаменов осталось всего ничего, она была доукомплектована ребятами из других родов войск. К нам пришли десантник Женя Аферов, авиаторы Володя Слепнев и Виталий Мартыненко, артиллеристы Сергей Николенко и Николай Штец, танкист Раис Хузин, связист Юра Мамадалиев, ракетчики Слава Кузнецов и Николай Хрящев.

Кстати, Мазаев и Мартыненко, поступили на учебу с подготовительных курсов. Оказывается, на объекте имелись и такие. На них попадали ребята, не прошедшие по конкурсу в предыдущий год. Так что оба они прослужили по лишнему.

Через несколько дней всех сфотографировали, отобрали подписку о неразглашении секретных сведений и выдали удостоверения установленного образца, в которых значилось, что имярек – сержант или старшина такой-то, является слушателем Высшей Краснознаменной школы КГБ при СМ СССР им. Ф.Э. Дзержинского, что удостоверялось подписью начальника Школы – генерала Розанова и гербовой печатью.

По внешнему виду и оформлению этот документ практически не отличался от удостоверений оперативного состава органов государственной безопасности, предоставляя его владельцам ряд определенных прав.

В этот же период всех переобмундировали: сухопутчиков в форму курсантов высшего военного училища связи, моряков – инженерного военно-морского учебного заведения.

«Де юре» – наше учебное заведение называется Школой, «де факто» – это военная Академия, со всеми ее атрибутами.

Срок обучения, в зависимости от факультетов составляет от четырех до пяти лет. Обучающиеся именуются слушателями и могут проживать как в общежитии, так и в служебных или на съемных квартирах. Размер стипендии составляет от семидесяти пяти до ста пятнадцати рублей, в зависимости от курса обучения. По окончании Школы выдается диплом о высшем юридическом образовании, академический жетон и присваивается воинское звание – лейтенант.

В конце августа, автобусами, из Балашихи нас перевозят в Москву к постоянному месту жительства, расположенному на тихой зеленой улице, в районе Шаболовского телецентра.

Это в несколько гектаров территория, обнесенная высоким глухим забором с встроенным в него КПП. Внутри, по периметру, располагаются кирпичные жилые и учебные корпуса, а также сооружения инфраструктуры.

В центре спортивная площадка, с действующим, высоко бьющим фонтаном. Кругом все засажено деревьями и цветами.

Размещаемся в первом, двухэтажном здании (это общежитие) группами по пять-восемь человек. Комнаты высокие, светлые, с одноярусными койками, платяными шкафами, стульями и тумбочками.

Здесь же находятся умывальники с душевыми, столовая и кафе-бар.

За его столиками в непринужденных позах расположилась дюжина иностранцев, оживленно переговариваясь на различных языках и смакующих из бутылок пиво.

Мы приятно удивлены всем этим великолепием и, косясь на них, намеряемся воспользоваться гостеприимством заведения, однако не успеваем.

Всех собирают в клубе, где начальник курса полковник Андреев знакомит нас с правилами поведения на объекте и вне его.

Как следует из сообщения, с сегодняшнего дня мы будем постоянно проживать на объекте и пользоваться всем, что на нем имеется.

Занятия начнутся с 1-го сентября и будут проводиться непосредственно в ВКШ, которая располагалась в районе Белорусского вокзала, куда нам предстояло добираться самостоятельно на общественном транспорте.

Выход в город после занятий свободный, до двадцати трех часов; в выходные и праздничные дни разрешается выезжать к родственникам, в том числе за пределы Москвы. В свободное время можно носить гражданскую одежду.

Помимо названного, полковник сообщил нам, что на объекте проживают и обучаются офицеры госбезопасности Кубы, ГДР, Польши и Монголии, контакты с которыми, по возможности, должны быть сведены до минимума.

Далее нам представили старшина курса капитана Черных, которого мы знали по совместному поступлению в Школу. Одновременно он являлся командиром обучающейся с нами офицерской группы. Назначили командиров и нам. Бразды правления в морской группе передали главному старшине Сергею Семенову, ранее служившему на строевой должности в учебном отряде Черноморского флота. Он был невысоким, худощавым, с глубоко посаженными глазами и явно любил командовать. Семенов мне сразу не понравился. Что впоследствии сказалось на наших отношениях.

Первого сентября впервые попадаем в стены Школы.

Добираемся туда по Шаболовке трамваем с последующей пересадкой на метро «Октябрьское». Время в пути занимает около двадцати минут, что по столичным меркам немного.

Учебное заведение в то время располагалось неподалеку от Белорусского вокзала, напротив 2-го часового завода и представляло собой комплекс зданий, главное из которых, затененное деревьями, выходило фасадом на Ленинградский проспект.

Никаких табличек, говорящих о ведомственной принадлежности на нем не имелось, широкая, из стекла, входная дверь была затенена изнутри и охранялась вооруженной охраной из прапорщиков.

В отделанном светлом мрамором просторном вестибюле, под прозрачной витриной стояло бархатное знамя Школы, с застывшим у него часовым из числа слушателей младших курсов.

На стенах висели мраморные плиты с именами выпускников, погибших в годы Великой Отечественной войны, а также окончивших учебное заведение с золотой медалью. На верхних этажах располагалось руководство, во главе с начальником Школы генерал-лейтенантом Розановым и начальником парткома контр-адмиралом Тихоновым, а также руководители факультетов, курсов и кафедр.

Вестибюль был проходным и вел на внутреннюю территорию, по периметру которой располагались многоэтажные учебные корпуса с широким между ними плацем, и различными хозяйственными постройками вроде гаражей, мастерских, складов и котельной.

В учебных корпусах находились актовые залы, аудитории, спецкабинеты и библиотеки, а также столовая и буфет. В имевшихся под зданиями подвалах, располагались стрелковый тир, склады и архивы. Доступ в отдельные из них осуществлялся по спецпропускам.

Занятия начинаются сразу же после принятия присяги. Это мероприятие проходит на плацу в торжественной обстановке и сопровождается выносом знамени, а также выступлениями различных именитых гостей.

Учебная программа была предельно насыщенной и на первом курсе включала в себя такие дисциплины как история КПСС, марксистско-ленинская философия, политическая экономия, научный коммунизм, логика, общая и социальная психология, иностранный язык, военная и физическая подготовка.

На последующих курсах нам преподавались все правовые науки в объеме программы юридического факультета МГУ, а также специальные чекистские дисциплины, носившие кодовые названия 1А, 1Б, 2, 3А, 3Б, 5, 9 и 17.

Помимо этого, весь период обучения в ВКШ сопровождался регулярной огневой подготовкой и обучением приемам рукопашного боя, а также самыми различными практическими занятиями оперативного плана, проводимых как в стенах Школы, так и за ее пределами.

Кроме того, мы несли внутренние караулы по охране ее объектов и, являясь действующим резервом КГБ СССР, использовались для различного рода специальных мероприятий, в том числе связанных с охраной руководителей партии и правительства, а также обеспечением безопасности встреч иностранных правительственных делегаций.

Без преувеличения можно сказать, уровень подготовки слушателей ВКШ, в то время был значительно выше, чем в гражданские университеты или военном учебном заведении.

По моему глубокому убеждению, весь этот идеологический и специальный конгломерат, в первую очередь направлялся на выявление и максимальный отсев более слабых слушателей на начальной стадии обучения, с последующей подготовкой преданных коммунистической идее бойцов тайной войны.

На достижение этой же цели была направлена и существующая в ВКШ система поведения слушателей в стенах учебного заведения, а также за его пределами. Поскольку оно являлось военизированным, на занятия мы ходили, как правило, в форме и имели специальные звания.

Запомнился один забавный случай.

Поднимаемся утром по эскалатору на станции метро «Белорусская» (Саня Екименко, Володя Мазаев, Вася Нечай и я).

На выходе патруль – офицер и два сержанта.

– Товарищи курсанты! – манит пальцем капитан. Подходим, бросаем руки к бескозыркам.

– Ваши документы.

Первым предъявляет удостоверение Мазаев, и у офицера ползут вверх брови, он явно озадачен.

– Так вы получается что, из органов?

– Ну да, – солидно отвечает Вовка. – А эти трое со мною.

– Понял, – возвращает удостоверение офицер. – Извините.

В Школе существовала достаточно высокая дисциплина и определенная субординация.

В то же время отношения начальствующего и профессорско-преподавательского состава к слушателям, были достаточно лояльными. Отсутствовали как таковые запреты и ограничения, за исключением режима секретности. Это было свято.

Слушатель обязан был исправно посещать занятия и вести конспекты всех лекций. Однако никто не принуждал заниматься самоподготовкой и ходить на факультативы.

По вечерам и в выходные, мы могли посещать любые культурно-просветительные учреждения, рестораны, бары и кафе, студенческие, а также молодежные вечера; общаться с неограниченным кругом лиц, по возможности исключая иностранцев.

В школе имела библиотека художественной литературы, в которой можно было получить практически любое произведение, когда-либо издававшееся в России. Здесь же находился спец фонд, где были собраны диссидентские издания, запрещенные к публикации. При необходимости, начиная со второго курса обучения, каждый слушатель мог знакомиться с ними и читать в полном объеме.

Указанная система формировала у нас самостоятельность мышления, поведения и принятия решений, ответственность за них. Она же помогала наставникам выявлять реальные идеологические качества слушателей, используя это в целях последующей подготовки.

При внешне кажущейся демократии нам не прощалось невыполнение учебной программы и правил поведения. Если слушатель «заваливал» какой-либо экзамен, пересдача допускалась только один раз. В случае повторной неудачи он, отчислялся. Аналогичная мера следовала за дисциплинарные проступки.

Не спасало даже наличие влиятельных родственников.

С учетом престижности учебного заведения, в нем имелось немало отпрысков руководящих партийных, советских и хозяйственных работников, крупных военачальников, дипломатов, а также руководящего состава КГБ СССР.

На нашем курсе обучались сын Шорникова* племянники Кузнецова,* Цвигуна,* Терешковой, а также некоторые другие.

При этом никакими привилегиями они не пользовались, и их статус в ВКШ определялся общепринятыми критериями, важнейшим из которых являлась успеваемость.

Помнится, на четвертом курсе племянник Терешковой завалил один из государственных экзаменов. Когда стал вопрос об отчислении, в Школу приехала знаменитая «Чайка».

В результате ему разрешили сдать экзамен повторно, но выпустили младшим лейтенантом.

Наиболее трудным для нас оказался первый семестр первого курса. Утром вставали в семь, делали зарядку на спортплощадке, умывались, завтракали и уезжали на занятия.

Трамвай, периодически звоня, катил по Шаболовке, справа проплывала в ажурном переплетении металла, главная телебашня страны, по тротуарам на работу спешили москвичи.

На конечной остановке выгружались, по подземному переходу выходили на Октябрьскую площадь и ныряли в метро, тогда еще не особо многолюдное.

По привычке держались сплоченной группой, стараясь не обращать внимания на разглядывавших нас пассажиров. Непривычными были для столицы военно-морские курсанты.

Однажды в вагоне встретили группу ленинградских, в черных фасонистых мичманках с крабами и четырьмя «угольниками» на рукавах бушлатов. Те смотрели на нас с явным удивлением. Первый курс, и все старшины. Не иначе ряженые.

Занятия длились до шестнадцати часов с небольшим перерывом на обед.

Столовая в школе была загляденье. Большой светлый зал со столиками на четверых, вдоль него длинная стойка раздачи и касса.

В меню несколько разновидностей салата, первых и вторых, всевозможная выпечка, фрукты и напитки. Цены как в московских столовых, но блюда вкусней и качественнее.

К залу примыкал чуть меньше буфет, где продавались различные бутерброды, колбаса, сыр, сигареты, кондитерские изделия и бутылочное пиво. Во время обеда потрещать его не возбуждалось, но делали это, как правило, слушатели старших курсов.

Затем следовала самоподготовка, и к восемнадцати часам мы следовали в общежитие. Там ужинали и вновь самостоятельно занимались допоздна.

В головах стоял сплошной сумбур и мешанина.

Появились первые потери. Не выдержав нагрузки, в нашей группе подали рапорта об отчислении Юра Мамадалиев и еще два слушателя. Такое же отмечалось и в других. Все рапорта были незамедлительно удовлетворены.

И это при том, что нагрузка на нашем факультете была не самой высокой. На втором, где готовили контрразведчиков со знанием иностранных языков – восточного и европейского, учиться было еще сложнее.

Редкими вечерами, когда мы возвращались из города, посетив , эти несчастные ребята еще сидели в кабинете самоподготовки или на шкафах, стоявших в коридорах (в позе лотоса) где нараспев тянули «ни хао», «цзайцзиень», «хауньин».

Обстановка нормализовалась после первой зимней сессии, которую к своему удивлению мы сдали неплохо. После нее съездили в двухнедельные отпуска.

Своих родных я не видел два года, и встреча была очень радостной.

– Да, сынок, удивил ты нас – сказали тогда отец с мамой. – А ведь в нашем роду уже был чекист. И сообщили следующее.

Оказывается, у деда Левки имелся родной брат – Александр, занимавший высокий пост в НКВД*, навестивший родню незадолго до войны. Он хотел забрать племянника в Москву

и определить в военное училище. Но Левка не отдал, поскольку не желал, чтобы сын служил советской власти.

На следующее утро, захватив гостинцы, мы с отцом навестили дедушку. Он одиноко жил на этой же улице, в добротном, с большим садом и огородом, доме.

Бабушка Варвара к тому времени умерла, но Лев Антонович не желал идти к сыновьям или дочери. Поскольку был своеволен и упрям.

Моему появлению он обрадовался, расцеловались.

А когда сидели за накрытым столом, и дед узнал на кого внук учится, задумался.

– Да, – тяжело вздохнул. – Будешь чекистом, как младший брат Александр. Мы с ним всегда друг друга не понимали.

Никаких вопросов ни я, ни отец, зная дедов характер, не задавали.

Кстати, он был весьма закрытый человек. Уроженец Могилевской области, имел там богатое хозяйство, но после революции оказался в Донбассе и работал забойщиком на шахте. При этом, обладая колоссальной силой, занимался французской борьбой. Организовав из горняков секцию, успешно выступал в Луганске Сталино* и Ростове, мечтая встретиться с Поддубным.*

Много лет спустя, я отыскал следы дедушкина брата.

Комдив Александр Антонович Ковалев являлся начальником Главного управления пограничных и внутренних войск НКВД СССР, а также членом Военного совета при наркомате обороны. Трагически погиб в 1942 году.

Зашел в гости и ко второму дедушке – Никите, жившем с бабушкой Степанидой на другом конце улицы.

Оба они были по национальности сербы.

Их предки пришли с Балкан на берега Северского Донца, при императрице Екатерине, в составе двух гусарских полков и были поверстаны в казаки. Дед был родом со Станицы Луганской, а бабушка Степанида из села Четырнадцатая рота.

Будучи призванным на службу, дед Никита до революции служил в 13-м Нарвском гусарском полку, участвовал в Первой мировой войне и являлся Георгиевским кавалером. В Гражданскую был есаулом в казачьих частях и воевал сначала за белых, а потом за красных.

После демобилизации в 1920-м, вернулся домой, где работал кузнецом на шахте.

Вот такими были мои деды и бабушки.

Навестил я и свою несостоявшуюся любовь. Все оказалось довольно банальным. Год назад, Людмила вышла замуж.

Из отпусков мы вернулись отдохнувшими и бодрыми.

Все ребята из нашей комнаты, по договоренности привезли из дому по несколько банок варенья и кило по два сала, поскольку, хотя стипендия и была высокой, на первых порах мы поиздержались. Пришлось прикупить гражданский гардероб: пальто с шапками, костюмы, обувь и рубашки с галстуками.

А поскольку холодильника в комнате не имелось, вместо него использовали окно. Размером оно было два на два метра и с промежутком меж рамами, в половину.

Туда через форточку спустили самого мелкого из нас – Саню Екименко, и он поместил в холод все привезенное.

Когда очередная стипендия подходила к концу, на выходные мы покупали несколько московских батончиков, из холодильника извлекались варенье и шмат сала.

При этом спускаемый туда Саня, вооруженный ножом, неспешно разворачивая пакеты, пробовал от каждого куска – где вкуснее.

– Давай, давай, чего тянешь! – исходили слюной голодающие.

Екименко не реагировал, с задумчивым видом смакуя продукт.

Когда же нам становилось невмоготу, вздыхал, отрезал от понравившегося куска часть и вместе с очередной банкой, передавал в форточку.

– А теперь немного посиди, – говорил кто-нибудь и запирал ее изнутри.

После этого мы накрывали стол, а Саня печально смотрел через стекло. Мол, зачем так?

Не выдержав немого укора, мы открывали форточку, извлекали его и усаживали во главе стола. После чего начиналась трапеза.

Батоны разрезались вдоль и из них сооружались птюхи*. Одна с тонкими пластинами сала, вторая с вареньем. Затем в стаканы наливался чай (в столовой он был бесплатно), и начиналась трапеза.

– Хорошо, – говорил кто-нибудь, уплетая, бутерброд.

– Угу, – откликались мы. – Почти как на флоте.

Учеба пошла легче и мы стали чаще выходить в город, знакомясь со столицей.

Этап становления прошел.

Как ни странно, наиболее интересной на первом курсе для нас была марксистско-ленинская философия. В то время этот предмет являлся обязательным во всех гуманитарных ВУЗах СССР, однако в силу сложности и заумности изложения, студентами практически не воспринимался. Все изучение сводилось к зазубриванию определенных догм и постулатов, а также конспектированию работ классиков. Применительно к этому предмету действовал принцип: сдал экзамен и забыл.

В ВКШ наблюдалось обратное, что на первый взгляд являлось само собой разумеющимся, поскольку органы госбезопасности неразрывно были связаны с партийной системой страны, а она являлась практическим воплощением данной науки в жизнь.

Однако главное заключалось не в этом. Необычным были изложение предмета и неординарность лектора. Им являлся кандидат философских наук, доцент Газенко.

Ко времени нашего обучения это был преклонного возраста изможденный и практически слепой старик, фанатично преданный своей науке. У него был целый ряд учеников, ставших известными профессорами, но не разделявших взглядов своего учителя.

Насколько было известно, в тридцатые годы Газенко руководил одним из секторов ЦК ВКПб, готовившим политические доклады непосредственно Сталину.

После смерти вождя, он опубликовал несколько работ по теории марксизма-ленинизма не вписавшихся в общепринятые рамки и стал подвергаться гонениям.

В конечном итоге оказался в нашем учебном заведении, где и продолжил свою научную деятельность, одновременно читая соответствующий курс.

Лекции Газенко были блестящими и в корне отличались от материалов, имеющих в учебниках. На многие, ставшими догматическими понятия, у него были свои, порой диаметрально противоположные взгляды.

В процессе занятий преподаватель вызывал слушателей на полемику, и она увлекала настолько, что мы забывали о перерывах. Дискуссии были бурными и откровенными. После них о многих, ранее очевидных для нас политических категориях, думалось несколько иначе.

И только по прошествии значительного времени, встречаясь в своем кругу, мы единодушно констатировали, что еще тогда, ныне покойный Владимир Иванович эзоповым* языком предрекал крах нашей политической системы, в силу неверного толкования и применения основ, ныне опороченной науки.

Сразу же увлекла всех, отлично налаженная в Школе физическая и специальная подготовка. Она включала в себя регулярные занятия рукопашным боем и стрельбой.

При этом на нашем факультете культивировалось боевое самбо, на втором и третьем – каратэ.

В то время в СССР, для широкого круга лиц они были практически неизвестны и официально запрещены. Названные разновидности боя в том или ином виде существовали только в спецподразделениях Комитета государственной безопасности, Главного разведывательного управления Министерства обороны, Воздушно-десантных войсках и Военно-морском флоте.

Занятия по самбо со слушателями проводили преподаватели спортивной кафедры, как правило, являвшиеся мастерами спорта и призерами СССР в этом виде. Тренировались в специально оборудованных залах несколько раз в неделю, весь период обучения и сверх того, на дополнительных факультативах.

Уже на первом курсе любой из нас мог обезвредить «супостата», а после четвертого – готовить боевых самбистов. Что подтверждалось выдаваемыми нам удостоверениями инструкторов-общественников.

Замечу, что наиболее подготовленными бойцами в тот период были слушатели морских групп. У нас – Боря Рыбаков, пришедший в Школу из подразделения боевых пловцов ПДСС Балтийского флота и к моменту поступления имевший разряд мастера спорта по самбо, в морской группе третьего курса – Леша Ковалев, являвшийся лучшим каратистом ВКШ и выступавший на первенство Комитета государственной безопасности СССР.

Серьезное внимание уделялось также занятиям легкой атлетикой и плаванием. Они проводились на стадионе «Динамо» и в плавательном бассейне «Москва».

Как-то в этом бассейне с нами произошла история.

В нем, но на других дорожках, тренировалась столичная женская сборная по плаванию. И вот один из нас, Виталик Мартыненко (мой земляк и видом вылитый Есенин), решил поухаживать за приглянувшейся пловчихой.

Для чего нырнул под шнур и погладил ее по ляжке.

Что тут приключилось!

– Девица завизжала, к ней мелькнули еще две, и бедного Витальку едва не утопили.

Когда мы вытащили кашлявшего ухажера на бортик, а потом увели в раздевалку, туда примчался наш инструктор-майор, устроив тому выволчку.

– Как можно? Ты же будущий чекист, дзержинец! И так гнусно лапать девушку. Немедленно пойдешь извиниться.

– Слушаюсь, – икнул Мартыненко и пошлепал к женской раздевалке.

В зимнее время постоянно организовывались лыжные кроссы в районе Водного стадиона.

Там, на спортивной базе мы получали инвентарь, а затем бежали на время десятикилометровый кросс. В точку его завершения (из столовой) доставлялись несколько термосов с горячим кофе, необычно вкусным на морозе.

Огневую подготовку со слушателями осуществляли преподаватели военной кафедры в специально оборудованном тире Школы, на спец объекте Балашиха и полигоне отдельной мотострелковой дивизии особого назначения имени Ф.Э.Дзержинского (ОМСДОН).

Стреляли регулярно, из всех видов короткоствольного отечественного и зарубежного оружия, а также автоматов и пулеметов Калашникова.

Боеприпасов в то время не жалели и к моменту выпуска слушатели имели достаточно высокие практические навыки в этом деле. Саша Екименко и Виталик Мельничук, даже выполнили норму перворазрядника.

На одном из занятий в тире, которое проводил с нами преподаватель военной кафедры капитан 3 ранга Спиридонов, в целях ознакомления с боевыми свойствами, зарубежных образцов короткоствольного оружия, мы упражнялись в стрельбе из «кольта», «браунинга», «парабеллума», «вальтера П-38» и «зброевки».

В разделенные прозрачными шторками кабины для стрельбы входили по пять слушателей, с пистолетами этих систем и делали несколько выстрелов по мишеням. Затем отмечали на них пробоины, менялись оружием и продолжали упражнение.

Огонь велся поочередно, справа налево. Причем каждый последующий слушатель, начинал стрельбу только после ее завершения предыдущим. И здесь со мной произошел казус.

В порядке очередности я получил для стрельбы польскую «зброевку», с очень легким спуском, а находившийся в смежной кабине Коля Хрящев американский пистолет «кольт» 45-го калибра. Эта «машина» палила громоподобно.

Когда очередь дошла до Николая, он дважды пальнул в мишень, а третий выстрел задержал.

Я же, проявив невнимательность и, считая, что сосед выполнил упражнение, держа «зброевку» стволом вверх, стал опускать ее в сторону цели.

Выстрелить не успел. Над ухом грохнул «кольт», палец на спуске непроизвольно дрогнул и пуля моего пистолета с визгом отрикошетировала от бетонного потолка тира.

По такому поводу, обычно спокойный наставник, выдал незадачливому стрелку по полной программе, и самым мягким эпитетом, которым он меня наградил, было ласковое слово «мудак».

Старшим преподавателем военной кафедры капитаном 1 ранга Ивановым, с нами проводились занятия и по противодиверсионной деятельности, включавшие в себя теорию и практику.

Для этого слушатели вывозились в Балашиху, где надлежащим образом экипировались и в течение месяца на полигонах ОМСДОН* обучались навыкам ориентации на местности, скрытому передвижению, маскировке и наблюдению, способам выявления, преследования и захвата диверсионных групп противника. Для проведения занятий с нами привлекались офицеры и бойцы спецподразделений дивизии.

Здесь тоже не обходилось без «хохм», ребята мы были молодые и веселые.

Как-то, раз, загрузившись в Школе в армейские грузовики с тентами, одетые в пятнистые маскхалаты, с оружием, противогазами и прочей амуницией, во главе с Ивановым и еще несколькими преподавателями, мы выехали на очередные занятия в Балашиху.

Наша группа находилась в последней машине и орала песню.

Ты моряк, красивый сам собою,
Тебе от роду двадцать лет,
Полюби меня моряк душою,
Что ты скажешь мне в ответ!

К этому располагали быстрая езда, предвкушение жизни на природе и возможность «повоевать». Короче романтика.

У заднего борта грузовика сидели Серега Токарь, Юрка Свергун, Виталик Мартыненко и я.

Мы с интересом наблюдали за проносящимися рядом легковыми авто, а их пассажиры, с не меньшим, пялились на нас. Тогда военные в камуфляже встречались не часто. Да и ребята в ВКШ у нас были на подбор.

Вдруг откуда не возьмись, колонну догоняет шикарная иномарка со здоровенным бугаем за рулем. А рядом с ним хорошенькая блондинка.

Свергун тут же помахал ей рукой. Она в ответ своей.

Мартыненко на языке жестов показал девице, что не прочь с ней развлечься. Бугай в ответ погрозил нам кулаком.

Тогда Токарь, всегда предпочитавший действия словам, вытащил из подсумка взрывпакет, поджег его запал и метнул изделие под колеса автомобиля. Раздались визг тормозов, хлопок и наш веселый хохот.

Грузовик сбавил ход, а затем, съехав на обочину, встал. Из кабины вышел заместитель Иванова, капитан 3 ранга Спиридонов и, подойдя к заднему борту, поинтересовался, – что тут у вас хлопает?

– Это у иномарки, которая позади, скат лопнул, – выдал кто-то из ребят. Спиридонов оглянулся на стоявший вдали автомобиль, что-то хмыкнул, и мы покатали догонять колонну.

Очень нравилось слушателям зачищать перед занятиями «в поле» обширный лесной массив, в котором они проводились.

Он находился в ведении ОМСДОНа и охранялся.

Тем не менее, жители окрестных деревень нередко проникали туда, занимаясь сбором грибов и ягод, имевшихся в лесу в изобилии. Вот их то, по соображениям безопасности, и надлежало выдворять из массива.

Делалось это просто.

После выгрузки из автомобилей, слушателей разворачивали в цепь, с интервалом в десяток метров друг от друга, после чего начиналось прочесывание.

Оно сопровождалось пальбой из автоматов холостыми патронами и метанием взрывпакетов в лесные озерца, болотца и буреломы. Грохот стоял, будь здоров, и все живое, что там находилось, естественно, уносило ноги.

Через пару часов, на опушке леса, оказавшись «в мешке», как правило, задерживались перепуганные грибники, которых после небольшого внушения инструктора отпускали.

Затем следовал короткий отдых, выдавались боевые патроны и начинались боевые упражнения.

Стреляли мы из автоматов и ручных пулеметов Калашникова, в том числе, только принятого тогда на вооружение и еще не поступавшем в войска АКМ калибра 5,45мм, отличавшегося повышенными боевыми характеристиками.

Огонь велся из стационарных окопов, стрелковых ячеек и открытых позиций по неподвижным и движущимся мишеням. Кроме того, стреляли из положений лежа, с колена, стоя и в движении.

Выполнялись и ночные стрельбы «с подсветкой». Боеприпасов инструктора не жалели и каждый слушатель отрабатывался до тех пор, пока не выполнял необходимые нормативы. Причем были они жесткие, выше армейских. Обучали нас и метанию боевых гранат, наступательных РГД -42 и оборонительных Ф-1.

Знаменитой «Альфы» тогда еще не было, но наши преподаватели, отдельные из которых раньше служили в спецподразделениях войск КГБ и прошли не одну «горячую точку», демонстрировали слушателям такие навыки стрельбы, которые и сейчас мало кто видел.

Отрабатывались и приемы рукопашного боя с оружием и подручными средствами, в частности саперными лопатками; навыки поиска, пеленгации, а также захвата диверсионно-разведывательных групп вероятного противника. Причем роль таковых, исполняло спецподразделение ОМСДОН.

А руководил всем этим, ставший впоследствии Героем Советского Союза, полковник Бояринов, погибший при штурме дворца Амина в Кабуле.

После занятий слушатели возвращались в Балашиху, где до одурения драили свое оружие и приводили в порядок амуницию, а на следующий день все повторялось.

От преподавателей и инструкторов знали, что раньше слушатели проходили и парашютную подготовку. Но после гибели одного, ее отменили.

Навсегда остались в памяти лекции по судебной медицине, которые блестяще читал нам главный судебно-медицинский эксперт Вооруженных Сил СССР, профессор Томилин.

В то время он считался ведущим специалистом в этой области и достаточно глубоко познакомил нас с основами этой науки. Более того, под его руководством мы выезжали в одну из московских клиник, где нам демонстрировалась практика паталого анатомического исследования трупов.

Этот процесс выдерживали не все, наивно полагая, что присутствовать при вскрытиях, в будущей деятельности нам не придется. Как показала жизнь, это суждение было ошибочным.

Уже через несколько лет мне, например, пришлось провести в моргах не один десяток часов, участвуя в исследованиях самых различных криминальных трупов.

К концу первого курса каждый слушатель морально и физически был подготовлен для дальнейшего, теперь уже специального обучения и воспринимал его осознанно, как свое второе «я».

На тот момент учебные группы превратились в довольно сплоченные коллективы, в которых существовала настоящая мужская дружба, поддержка и взаимовыручка.

При наличии здоровой конкуренции в учебе, считалось в порядке вещей оказание помощи товарищу в изучении тех или иных дисциплин и решении любых, порой самых личных проблем. Такие же взаимоотношения существовали и между слушателями других групп. Конфликты между нами возникали крайне редко и, как правило, разрешались самостоятельно.

Как я уже отмечал, пройдя период становления, мы более часто стали бывать в городе, понемногу осваивая интересующие нас в столице места.

В первую очередь досконально был изучен район проживания, вблизи которого находились Донской монастырь и рынок, кинотеатр «Алмаз», а также общежитие университета имени Патриса Лумумбы.

Последнее нас интересовало в первую очередь, так как в нем проживало множество студентов – иностранок и там постоянно устраивались танцевальные вечера.

Кинотеатр привлекал широкоформатным экраном, что тогда было редкостью и демонстрацией в нем самых новых фильмов, а также отличным буфетом, в котором всегда имелось свежее пиво.

На Даниловском рынке по воскресеньям, когда в общежитии не работала столовая, мы покупали молоко, французские батоны и ливерную колбасу.

Местные хулиганы всегда обходили слушателей стороной, поскольку знали, что в противном случае будут жестоко биты.

Донской монастырь посещали неоднократно, так как на его территории захоронен прах легендарного разведчика Абея, ставшего прототипом известных фильмов «Щит и меч» и «Мертвый сезон», ныне незаслуженно забытого.

Он умер незадолго до нашего поступления в Школу, где неоднократно выступал с интереснейшими лекциями перед слушателями. В моем личном архиве поныне хранится фотография скромной могилы этого человека, увенчанная небольшой надгробной плитой.

В период учебы, перед нами неоднократно выступал с лекциями из своей практики другой знаменитый разведчик – Ким Филби, в свое время возглавлявший подразделение английской «Сикрет интеллидженс сервис», работавшее против СССР.

На одной из таких, слушатели (помимо прочих) задали лектору вопрос, – каким образом он снимал психологические нагрузки?

– Все очень просто, – ответил тот. – Я брал выходной и на целый день уезжал из Лондона на автомобиле в лес. Где под хорошую закуску выпивал бутылку водки. Утром возвращался на службу обновленный.

Как ни парадоксально, но, начиная со второго курса, учиться становится значительно легче. И это при том, что учебная программа предельно насыщена специальными и юридическими дисциплинами.

Спецкурс нам читают преподаватели, имеющие значительный оперативный опыт работы в органах контрразведки, юриспруденцию – профессора права, за плечами многих из которых годы следственной и прокурорско-судебной практики. Поныне с чувством благодарности вспоминаются фамилии профессоров Цветкова, Струнникова, Васильева, Дорохова и Клеандровой, кандидатов юридических наук Героя Советского Союза Ларкина, Корнакова и Мичулиса.

Курс международного права вели бывшие разведчики, долгое время работавшие за рубежом нелегально или под дипломатическим прикрытием.

Лекции перемежаются семинарами, коллоквиумами и практическими занятиями. При чем все это осуществляется в комплексе, позволяющем достигнуть максимального эффекта

Например, по курсу оперативной деятельности органов госбезопасности, нам вначале излагался довольно обширный теоретический материал. Затем он иллюстрировался учебными фильмами, с последующими семинарами по конкретным темам, чем окончательно закреплялся в сознании слушателей.

Финалом служили максимально приближенные к действительности практические занятия, проводимые в специально оборудованных кабинетах Школы или на территории столицы и принимаемые в зачет только в случае их отличного выполнения.

Иногда возникали трагикомичные случаи, которые мы нередко вспоминаем на встречах выпускников.

Так, навсегда запомнились слушателям морской группы наши первые учебные вербовки, которые во все времена в спецслужбах являлись основным средством их оперативной деятельности.

Получив определенные теоретические познания в этой области на лекциях и семинарах, пообщавшись с профессионалами, а также просмотрев целый ряд учебных фильмов по данной тематике, мы с трепетом готовились к первым практическим занятиям. Они должны были проходить в Школе и за ее пределами, в конспиративных номерах, расположенных в гостинице «Россия».

Суть занятий заключалась в следующем.

Каждому слушателю определялся кандидат на вербовку, в качестве которого выступал находящийся в отставке опытный сотрудник госбезопасности, ранее специализировавшийся в работе с негласным аппаратом.

Согласно легенде, он являлся сотрудником режимного учреждения, располагающего государственными секретами. Мы, выступая в роли опер работников, получали заранее подготовленные преподавателями в отношении таких лиц сведения, необходимые для изучения и вербовки последних.

При этом предполагалось, что с указанными гражданами мы уже ранее встречались и проверили их на выполнении ряда конфиденциальных поручений. Очередная встреча должна быть завершена дачей согласия кандидата на сотрудничество.

Первое такое мероприятие осуществлялось непосредственно в Школе, в специально оборудованном кабинете, интерьер которого отображал жилую комнату.

Ее передняя стена была выполнена из специального материала, позволяющего всей группе, находящейся в смежном кабинете, наблюдать за происходящим и слышать ведущуюся там беседу.

Итак, ознакомленные с легендой кандидата на сотрудничество, его деловой и психологической характеристикой, особенностями личности, наша группа сидит в этом самом кабинете. Вслед за чем преподаватель вызывает желающего, испытать себя

Возникает минутное замешательство, и первым поднимает руку Вася Нечай.

Что ж, кандидатура достойная. Он один из лучших слушателей в группе и на курсе.

Следует подробный инструктаж, после чего Василий выходит из кабинета и через минуту появляется в «хитрой» комнате. Держится непринужденно. Еще через несколько минут, туда же входит объект-преподаватель спец кафедры, и начинается необходимый процесс.

По существующим канонам Нечай устанавливает с объектом психологический контакт, берет инициативу общения в свои руки и получает от кандидата информацию о выполнении очередного поручения.

Далее высказывает мнение о целесообразности сотрудничества кандидата с органами госбезопасности на постоянной основе и ловко дезавуирует его попытки уклониться от такового.

Примерно через полчаса объект, как говорят «созрел» и Василий переходит к завершающей стадии беседы, венцом которой должно стать согласие кандидата на сотрудничество с оформлением соответствующей подписки.

Мы следим за разворачивающимся перед глазами действием, затаив дыхание.

Находящиеся здесь же начальник кафедры и преподаватель одобрительно его комментируют. И тут первопроходца, что называется «понесло».

Внезапно, нарушая сценарий общения, он предлагает собеседнику выпить по чашке кофе. Тот с готовностью соглашается.

Нечай достает из шикарного серванта пустые кофейник, чашки и делает вид, что наливает в них кофе. Одну из чашек подает кандидату. Тот недоуменно заглядывает в нее, делает круглые глаза и вопрошает, – А где же кофе?

Немая сцена.

– Ну, вы ж понимаете, – бормочет наконец Вася, и делает несколько пассов руками в воздухе.

– Наоборот, я ничего не понимаю! – возмущается объект, делая на лице обиженную мину.

В конечном итоге он замыкается в себе, и приобщить его к постоянному сотрудничеству, на этой встрече Нечаю не удастся.

Далее следует разбор мероприятия, где основным тактическим просчетом слушателя признается отступление от плана беседы, потеря инициативы на ее завершающей стадии и утрата психологического контакта с собеседником.

Мы принимаем полученную информацию к сведению, и два последующих наших товарища, действуя в поте лица, с грехом пополам добиваются успеха.

В конечном итоге, через «хитрую» комнату, с внутренним мандражом, проходят все слушатели. На втором этапе аналогичные мероприятия мы проводили самостоятельно в конспиративных номерах гостиницы «Россия».

Нам назывались апартаменты и время, к которому в них надлежало быть. Перед этим изучалась легенда кандидата, в качестве которого выступали как женщины, так и мужчины, являвшиеся профессиональными агентами.

Далеко не всегда эти встречи были успешными, что влекло их повторение.

Комично заканчивались иногда занятия по практике наружного наблюдения. Это было целое искусство, включающее в себя умение конспиративно брать объект под наблюдение и сопровождение, с фиксацией интересующих нас действий.

Такие отработки проводились непосредственно в городе, порой в самых непредсказуемых местах, куда нас таскали за собой инструкторы из числа бывших кадровых сотрудников, выступающие в качестве наблюдаемых.

Запомнились два таких случая. В первом, в нашу задачу входило взятие под наблюдение объект, легендированный в качестве разведчика, действующего под прикрытием сотрудника посольства одной из капстран.

По сценарию он должен был встретиться со своим агентом из числа советских граждан в заранее определенном месте и конспиративно получить от того документы секретного характера.

Наша задача заключалась во взятии объект под наружное наблюдение, с последующим выявлением места встречи и лица, пришедшего на нее, а также фиксацией момента передачи материалов.

Перед этим был проведен самый тщательный инструктаж и во главе с руководителем занятий на автобусе «ПАЗ» с затененными окнами мы выехали в город.

Наблюдение за объектом должно было осуществляться так называемыми бригадами, то – есть группами слушателей в количестве трех человек, один из которых являлся старшим.

При этом использовался метод «цепочки», согласно которому первый из нас должен был следовать за объектом на удалении от пяти до десяти метров, второй в десяти метрах от первого, и третий на такой же дистанции от второго.

По условному сигналу мы должны были меняться местами в целях исключения расшифровки наблюдения.

Следует отметить, что до начала занятий нас ознакомили с целым рядом специальных приемов и ухищрений, которые использовались разведчиками и их агентами в целях выявления слежки, а также ухода от нее.

Первой бригаде слушателей, в которой находились Мазаев, Нечай и я, «шпион», оказавшийся довольно пожилым и тщедушным старичком с бородкой, был передан под наблюдение в многолюдном здании ГУМа.

Тот не спеша прогуливался перед расположенным на первом этаже, окруженным зеваками, бьющим фонтаном.

– Да, этого Хоттабыча мы точно не упустим, – самодовольно сказал Вовка.

– Главное, чтобы он по дороге не развалился (потеря я руки).

Бригада потеряла объект через несколько минут наблюдения и, не солоно хлебавши, вернулась в стоящий неподалеку в переулке автобус.

– Ну что, лопухнулись? – спросил инструктор.

– Очень уж шустрый попался, – пробурчали мы, усаживаясь на сидения.

После этого, по его указанию, подъехали к скверу напротив Большого театра, где в окно узрели Хоттабыча, мирно читающего газету на одной из скамеек.

Из автобуса незамедлительно была выпущена вторая бригада, которая к ее чести, в течение примерно получаса сопровождала объект, двигавшийся в сторону улицы Горького, где тоже потеряла его в районе подземного перехода.

Очередной, коварный старикан был передан под наблюдение на станции метро «Площадь революции», где стоя на платформе, он с интересом рассматривал бронзовую фигуру матроса с наганом.

Наученные горьким опытом своих предшественников, которые, по их мнению, слишком далеко отпускали объект от себя и, пользуясь царящим на станции столпотворением, наши ребята подобрались к ведомому практически вплотную.

Судя по поведению, он явно собирался удрать от них на очередной, въезжающей на платформу электричке. Так на первый взгляд все и выглядело.

Поезд с гулом ворвался на станцию, лязгнули открываемые двери, и в них хлынул поток пассажиров. Одним из последних в вагон втиснулся и объект. Бригада наших едва успела заскочить в следующий.

– Осторожно, двери закрываются! – пропела магнитофонная запись, и в тот же миг сопровождаемый, придерживав ногой сходящиеся створки дверей, шустро выскочил из вагона. Плавно набирая ход, поезд унес проклинаящую все на свете бригаду к следующей станции. Затем она вернулась к автобусу, доставившему группу на станцию метро «Маяковская».

Следующую бригаду Хоттабыч с позором расшифровал при посадке на эскалатор. Двигаясь в потоке пассажиров следующих на выход, у самой кабины дежурной, он внезапно отошел в сторону и стал внимательно рассматривать столпившихся за ним пассажиров.

Поскольку подниматься по эскалатору наблюдаемый не спешил, а потерять его в очередной раз и «расшифроваться», слушатели не желали, они попытались выбраться из движущейся в соответствующем направлении толпы, что повлекло возмущение и брань пассажиров.

В конечном итоге, поддавшись неудержимому давлению толпы, ребята оказались на эскалаторе, который унес их от ухмыляющегося объекта.

Последнюю бригаду зловредный старик навел на наряд милиции, которому сообщил, что его преследуют хулиганы. А пока стражи порядка разбирались, что и как, объект вновь испарился.

К вечеру все мы были предельно измотаны и наскоро перекусили в автобусе заранее припасенными бутербродами.

– Вот таков хлеб сотрудников наружного наблюдения, – улыбаясь, сообщил нам инструктор. – А этот, как вы его называете старичок, – подполковник в отставке, в прошлом «оттоптавший»* не одного разведчика – дипломата.

Далее начался завершающий этап занятий, на котором мы должны были зафиксировать момент получения объектом секретных документов от его помощника.

Он происходил в час «пик» в экспресс – кафе «Зеленый огонек» на улице Горького и тоже оказался для нас плачевным.

Ни одна из запускаемых в зал бригад не смогла уловить этот момент.

А ларчик просто открывался.

В руке помощника, в роли которого выступала миловидная и тоже пожилая женщина, находились две свернутых в трубку газеты, одна из которых была вставлена в другую и немного выступала из нее.

После завершения встречи, отходя от стойки, за которой они пили кофе, женщина проходила мимо объекта, держа руку с газетами опущенной вниз, а он в этот момент выдергивал внутреннюю газету из внешней. Причем делалось это виртуозно и ни в одном из повторов нами не фиксировалось. Вот что значит класс работы.

Но, как говорят, опыт и практика дело наживное, а мы их только нарабатывали и верили в свои силы.

Как я уже упоминал, на занятия мы, как правило, ездили в форме. Но если слушатели других групп, облаченные в щегольские мундиры курсантов – связистов, обычно не привлекали особо пристального внимания москвичей, а тем паче, комендантских патрулей, то с моряками дело обстояло намного сложнее.

Москвичи, как известно, народ ушлый и дотошный. И нередко в трамвае, метро, а то и просто на улице к нам приставали самые разные личности, пытаясь выяснить, что за военноморское училище мы представляем. Обычно мы отделялись шутками и никаких конкретных пояснений по этому поводу не давали.

Сложнее обстояло дело с патрулями. Они в то время в столице имелись во множестве и обязанности свои исполняли рьяно. Появление морских курсантов в поле зрения блюстителей военного порядка воспринималось ими как мулета* для быка. В итоге нас довольно часто «тормозили» и проверяли документы.

При этом предъявляемые малиновые «корочки» с наименованием системы, к которой мы принадлежали, всегда производили один и тот же эффект – у офицеров выпучивались глаза, и на лицах отражалась напряженная работа мысли. В конечном итоге нас отпускали и так до очередного патруля.

Но однажды все слушатели морских групп чуть не попали под тяжелую пятую столичной комендатуры.

Было это осенью 1975 года. Шла очередная демобилизация, и через Москву ехало множество отслуживших свой срок солдат и матросов.

Это были не те худосочные пацаны в форме, которых я вижу сейчас, а крепкие и разбитные парни, воспитанные советской военной системой. В период демобилизации им был сам черт не брат.

И вот солнечным ноябрьским утром мы втроем – Володя Мазаев, Вася Нечай и я, как обычно, одетые в морскую форму ехали на занятия в Школу.

В районе Белорусского вокзала решили купить свежие газеты в киоске, располагавшемся тогда в подземном переходе под Ленинградским проспектом.

Но не пришлось.

Рядом с киоском стоял патруль, который на наших глазах остановил следующего по переходу в сторону вокзала моряка. Тот был явный «дембель», со старшинскими лычками на погонах, аксельбантом и небольшим чемоданчиком в руке.

Какой диалог состоялся между ними мы так и не поняли. Моряк опустил на пол чемодан, резко выпрямился и врезал офицеру – начальнику патруля по физиономии.

Тот загремел под киоск, а стоявшие рядом патрульные – курсанты общевойсковой училища на мгновение остолбенели.

Пока суть да дело, моряк, схватив чемодан, рванул по переходу меж прохожих, в сторону 2-го часового завода. А мы в обратную, к Школе, от греха подальше.

Там рассказали ребятам, в какую историю едва не влипли.

Они посмеялись, но самый рассудительный из нас – Саня Екименко заявил, что комендатура это так не оставит и флотских будут отлавливать по всей Москве. Так оно и случилось.

После занятий и самоподготовки мы стали собираться домой, на Хавскую и кто-то из ребят увидел из окна аудитории, выходящей на проспект, что перед Школой прохаживается патруль, в составе майора и двух курсантов училища имени Верховного Совета, которых за высокий рост дразнили «фитилями».

В это время из подъезда Школы появились несколько наших сухопутных слушателей, поприветствовали патрульных и беспрепятственно двинулись в сторону вокзала. За ними вышли двое моряков – третьекурсников, которых патруль задержал и повел за угол здания.

Затем снова вышли армейцы и их пропустили, а очередного слушателя-моряка задержали.

Кто-то из ребят сбегал в ту часть здания, которая окнами выходила в переулок, и сообщил, что там стоит автобус комендатуры, куда сажают всех задержанных. Возмутившись, мы доложили об этом руководству курса и с нетерпением стали ждать возмездия.

Оно не заставило себя ждать. Минут через десять из подъезда ВКШ вышел дежурный офицер и о чем – то переговорив с начальником патруля, увел его в здание.

Вскоре тот выскочил из подъезда и зарысил к своему автобусу, откуда незамедлительно появились задержанные.

По слухам, майор попал на расправу к заместителю начальника Школы по строевой подготовке капитану 1 ранга Александрову и тот выдал ему по «полной», чтоб служба раем не казалась.

С той поры поползновений на слушателей морских групп ВКШ со стороны комендатуры Москвы не было. Наоборот, однажды нас даже похвалили.

Героем дня стал Серега Токарь. К тому времени он был женат и снимал комнату в районе Арбата, неподалеку от Министерства обороны.

Как на грех, ежедневно его путь на занятия пересекался с многочисленными старшими офицерами, следующими в министерство на службу.

– Не поверите, мужики, – сетовал Сергей, – как только выхожу из подъезда, приходится брать «под козырек» и рубить строевым мимо всех этих «полканов» до самого метро. И обязательно кто-нибудь «прихватит».

Пора съезжать оттуда, а то с ума сойду от этой шагистики.

Но съехать без последствий Токарь не успел.

Когда его в очередной раз стал мордовать какой-то полковник, глав старшина надерзил ему, за что был задержан патрулем и доставлен в столичную комендатуру. Там он попал в ласковые руки помощника коменданта, который определил Сереге четыре часа строевых. Кто служил, тот знает, что это такое.

Здесь следует отметить, что до поступления на учебу Токарь три года прослужил на сторожевом корабле комендором и строевым старшиной. Вид имел соответствующий: Рост метр девяносто, по виду амбал*, нос крючком и глаза навывкате.

И Серега отдался этой стихии.

Лихо выполняемые им строевые приемы, вызвали восхищение офицеров комендатуры. И старший из них предложил позаниматься с другими нарушителями воинского устава.

– Ну, я и дал им жизни, – рассказывал потом Серега. – Все эти вояки в сапогах прыгали по плацу как ошпаренные.

Начиная со второго курса, слушатели постоянно привлекались к различного рода оперативным мероприятиям, проводимым органами КГБ в столице.

В том числе обеспечивали безопасность руководства Страны, на проводимых парадах и демонстрациях на Красной площади 1 Мая и 7 Ноября, а также правительственных делегаций зарубежных стран, прибывающих в Москву, по ходу следования их кортежей.

Помнится во время встречи Индиры Ганди (мы, в числе студентов, стояли тогда на Ленинском проспекте), какой-то отморозок на «жигулях», попытавшийся выехать на трассу, сброшен в кювет автомобилем с оперативниками.

На пути же следования кортежа Фиделя Кастро, прибывшего в 1976 году в СССР с очередным визитом, один из сотрудников ГАИ решил засечь его скорость радаром, за что получил пулю в лоб от находившегося на крыше высотки снайпера.

Задействовались мы и для других, более целевых операций, таких как поиск лиц, распространявших антисоветские листовки в столице, совершивших ряд взрывов на ее улицах и в метро, а также участия в студенческих выступлениях у посольств капстран, в случаях их недружественного поведения в отношении СССР.

Парадоксально, но факт, диссидента длительное время распространявшего антисоветские листовки и активно разыскиваемого московским управлением КГБ, задержал слушатель второго курса ВКШ, находившийся в ночное время в одной из засад, в районе вероятного появления злоумышленника.

Почуввав неладное, тот бросил свои листовки и пытался скрыться, но через несколько кварталов его настигли и обезвредили. Впоследствии оказалось, что в прошлом этот деятель активно занимался спортом и был призером Москвы по бегу на длинные дистанции.

А вот пример участия наших слушателей в одной из студенческих демонстраций, происходивших в то время у стен Китайского посольства, по поводу агрессивных действий КНР в отношении СССР.

На первом факультете были отобраны лучшие метатели диска, гранаты и толкания ядра, проинструктированы и отправлены на Ленинские горы. Выразить свой протест в числе московских студентов.

Из нашей группы туда попал Боря Рыбаков, который мог метнуть на значительное расстояние не только эти железяки, но и любого среднего обывателя

Как он потом рассказывал, на месте демонстрации по каким-то причинам (не иначе случайно), оказалась пара машин бульжника, часть из которого каким-то образом влетела в окна посольства.

Метателей тут же повязала милиция, что сняли на пленку иностранные журналисты, и увела в ближайший переулок.

– Ну а там, рядом со своей «Волгой», стоял наш Александров. Пожал всем руки «молодцы ребята» и приказал отвезти всех на Хавскую, – закончил Борька.

Участие в обеспечении парадов и демонстраций на Красной площади мы считали для себя двойным праздником.

Кто из советских граждан не мечтал в то время побывать на них?

Таких, несомненно, были единицы. Там же, как говорят «вживую», мы могли в непосредственной близости увидеть первых руководителей Страны, крупных военачальников, космонавтов, спортсменов и других именитых людей.

За неделю до этих торжеств, руководством Школы при участии представителей девятого Главного управления КГБ СССР со слушателями проводился подробный инструктаж.

При этом мы получали информацию об оперативной обстановке в столице на время проведения названных мероприятий, определялся порядок несения службы и наши действия в экстремальных ситуациях.

Далее, в течение нескольких дней, в вечернее время наряд выезжали на Красную площадь, доступ на которую к тому времени закрывался, где совместно с военнослужащими ОМСДОН и Кремлевского полка отрабатывал свои действия.

Они заключались в следующем: слушатели ВКШ, которые задействовались на мероприятии в значительном количестве, занимали исходную позицию у Исторического музея.

Подразделения ОМСДОН, в полной экипировке и с автоматическим оружием, располагались в Спасской и Никольской башнях Кремля. По сигналу, подаваемому руководителем мероприятия с трибуны мавзолея, цепью с интервалом в один метр между собой, мы шли по кромке площади вдоль кремлевской стены в сторону собора Василия Блаженного. Затем в строго определенное время останавливались напротив центральной трибуны мавзолея, выполняли левый поворот и оказывались лицом к площади и спиной к трибунам.

По сценарию наше перемещение синхронизировалось с движением праздничных колонн, входящих на площадь и со стороны, особенно с телевизионных экранов, было совершенно незаметным.

В цепи, через каждого десятого слушателя, находился действующий офицер госбезопасности. Далее наступала очередь спецподразделений, которые должны были задействоваться в случае необходимости.

Под ней понималось несвоевременное предотвращение возможного террористического акта на площади силами оперсостава и находящихся на крышах ГУМа снайперами.

В этом случае, из ранее названных башен Кремля на предельной скорости и практически вплотную друг к другу выбегали вооруженные бойцы, целью которых было расчленение демонстрантов на квадраты размером десять на десять метров с их последующим плотным оцеплением. Далее туда должны были запускаться оперативники для поиска и локализации террористов.

К счастью, за все советское время, таких инцидентов на Красной площади допущено не было. Однако когда во время тренировок за нашими спинами раздавался грохот кованых сапог стремительно несущихся поперек площади бойцов, каждый из которых был под два метра ростом и в экипировке, чувствовали мы себя довольно неуютно.

За сутки до торжеств, каждому из наряда выдавался именной пропуск на Красную площадь, выполненный особым типографским способом.

К месту сбора мы выезжали самостоятельно, ранним утром на метро, одетые в гражданскую одежду.

Москва в этот час была практически безлюдна, подходы к Площади перекрывались тройным кольцом оцепления из работников милиции и сотрудников госбезопасности. Предъявляемые нами удостоверения и пропуска тщательно проверялись.

У Исторического музея уже работали буфеты, в которых продавались различные бутерброды, свежая выпечка, шоколадные наборы, лимонад и кофе (при желании с коньяком). Там мы немного подкреплялись и обязательно покупали по шоколадному набору, чтобы привезти их с собою в отпуск.

А вдоль Площади в гордом одиночестве, заложив руки за спину, величаво прогуливался старший наряда от ВКШ капитан 1 ранга Александров, которого слушатели называли между собой «черным полковником» и боялись как огня.

К тому обязывала его должность (Леонид Григорьевич был заместителем начальника Школы по строевой части), внешний вид – рост за два метра, могучее телосложение и громогласный голос.

Он обладал свойством неожиданно появляться в момент, когда тот или иной слушатель находился в неустановленной форме одежды, курил в неположенном месте или использовал ненормативную лексику.

Такие подвергались самому жестокому разному, который запоминался надолго. Жертвами капитана 1 ранга, как правило, были слушатели младших курсов. Старшие всегда успевали вовремя исчезнуть.

Примерно к девяти часам на Площади появлялись первые гости, многие из которых тоже пользовались услугами буфетов, отдавая предпочтение кофе и активно раскупая красочные шоколадные наборы фабрики «Большевичка». Больше всех нам нравились космонавты, обычно следовавшие единой группой.

Они всегда были веселыми, шутили и неизменно приветствовали состав наряда.

– Как кофе, ребята? – обычно интересовался всегда доброжелательный и разговорчивый Леонов.

– Отличное, товарищ, генерал, – отвечали мы, прихлебывая из стаканчиков.

– Налей-ка красавица и нам, обращаясь к продавщице, – гудел рядом Гречко.

– И обязательно с коньячком, – добавлял кто-нибудь из космонавтов.

Ровно в десять на трибунах мавзолея появлялись руководители Страны, и торжество начиналось.

Описывать его нет нужды, ибо старшее поколение отлично помнит насколько красочными и впечатляющими были в ту пору демонстрации и парады на Красной площади.

Примерно за час, перед нами проходили до ста тысяч трудящихся столицы с различными транспарантами, воздушными шарами и цветами в руках, скандирующих лозунги, поющих и просто радостно смеющихся. Все это время над Площадью гремела музыка, прерываемая комментариями диктора Центрального телевидения.

Нам же было не до веселья. Приходилось непрерывно наблюдать за шествующими вдоль нашей цепи согражданами, выискивая возможно шагающих в их рядах злоумышленников. К концу действия от музыки, криков и непрерывно мелькающих перед глазами лиц, в головах шумело, но бдительности мы не утрачивали, поскольку за спинами прохаживался вездесущий Александров, изредка тихо порывающийся.

После завершения возвращались в общежитие на Хавскую, где вскладчину организовывали скромное застолье, что слушателям не возбранялось. А потом на несколько дней улетали в краткосрочные отпуска. Благо билеты на самолет тогда стоили сущий пустяк.

Ко второму курсу у нас сформировались микро группы слушателей, наиболее близко друживших между собой. Они состояли из трех-четырёх человек.

Основным объединяющим признаком служило совместное проживание и общность интересов.

Я сдружился с Васей Нечаем, Володей Мазаевым и Виталием Мартыненко. Наиболее эрудированным из нас был Нечай, происходивший из старинного рода запорожских козаков, отец которого – Мирослав Нечай, был известным украинским журналистом и писателем.

Володя Мазаев был фанатичным спортсменом, охотником и рыбаком, а Виталька Мартыненко просто хорошим парнем, обладавшим недюжинной силой, любящим дружеское застолье и симпатичных девчат.

Совместно с нами, в этой же комнате жила вторая микро группа, куда входили тоже ранее служившие на флоте Саша Екименко, Женя Худяков и Виталий Мельничук, а также державшийся особняком, бывший армейский сержант, а теперь старшина 1 статьи Николай Штец. С ним у меня произошел конфликт, едва не закончившийся отчислением из ВКШ.

В то время, обустривая быт, мы вскладчину купили эспандер, гантели, гири и подержанный магнитофон «Комета». По утрам, перед занятиями и вечером, после них, все без исключения активно занимались гиревым спортом и слушали эстрадную музыку.

По выходным общежитие пустело и, проводя время в городе, мы возвращались туда затемно.

Одним таким я приехал несколько раньше.

Верхний свет в нашей комнате был погашен и в дальнем ее конце, на койке у батареи, мирно сопел носом Саша Екименко. На первой же от входа, заложив руки за голову и уставившись в потолок, при свете настольной лампы, о чем – то мечтал Коля Штец.

На стоявшем рядом столе дымился включенный магнитофон с крутившейся вхолостую кассетой. Я тут же его отключил, сделав Штецу замечание.

В ответ тот послал меня в известное место и обозвал салагой.

На флоте это слово всегда являлось оскорбительным и применялось только в отношении молодых матросов. Таким я себя не считал, к тому же ни одного дня на кораблях Николай не служил, что возмутило вдвойне.

Будучи по натуре вспыльчивым, недолго думая я сгреб бывшего сержанта за грудки и врезал по физиономии, а когда тот попытался сопротивляться – схватил прикроватную тумбочку и насадил ее сослуживцу на голову.

В следующий момент вовремя подоспевший Саня растащил нас, выяснение отношений закончилась.

На следующий день, по этому поводу в группе состоялись бурные дебаты, и о «ЧП» было доложено начальнику курса подполковнику Андрееву. Тот принял решение рассмотреть мое поведение на комсомольском собрании.

Следует отметить, что партийное начало в Школе всегда было главным и решения, принимавшиеся на партийных или комсомольских собраниях, как правило, поддерживались руководством.

Началось собрание после занятий в одной из пустующих аудиторий. Участвовали в нем все комсомольцы, а также бывшие к тому времени членами КПСС Семенов, Шишкин и Мазаев.

Руководил делом Нечай, являвшийся нашим комсомольским вожаком. От руководства присутствовал старшина курса, капитан Черных.

Настроение было подавленное, хотя я и знал, что часть ребят, из числа моряков, потерпевшему не сочувствовала.

Была надежда и на Василия, который, как комсорг, мог что-нибудь предпринять в мою защиту. Обнадеживало и то, что по успеваемости я шел одним из первых на курсе и незадолго перед дракой, парткомом ВКШ был награжден почетным знаком ЦК ВЛКСМ, врученным у ее Знамени.

Ожидания не оправдались. Нечай разнес меня в пух и прах, потребовав исключения из комсомола. Я покрылся холодным потом, поскольку это автоматически влекло отчисление из Школы. С таким же предложением выступил и командир группы Семенов.

За ними слово взял Рыбаков, предложивший мне повиниться, а собранию ограничиться более мягким взысканием. Я отказался. Последней надеждой оставался Мазаев, но он не проронил ни слова.

Спас меня тогда Ваня Харин.

– Ребята, что ж мы делаем, ведь топим своего же товарища (встал со своего места). – Да, он поступил необдуманно. Но в той ситуации Штецу накостылял бы, наверное, каждый из нас. Его мнение поддержали Саша Екименко, Серега Токарь и Юра Свергун.

Как результат, постановили ограничиться обсуждением. Руководство курса с этим мнением согласилось, и наказан я не был. Но дружба с Нечаем и Мазаевым, с этого момента дала первую трещину.

В мае мы сдавали свою вторую сессию, после которой лишились Мартыненко. Виноват в случившемся он был сам.

Рослый, с голубыми глазами и вьющимися русыми волосами, всегда веселый и жизнерадостный, Виталий пользовался неизменным успехом у женщин.

В столовых общезития и Школы, млеющие под его взглядом юные работницы кухни, неизменно подкармливали неотразимого старшину.

На молодежных вечерах Мартыненко был непревзойденным танцором и душой компании. Это его и сгубило.

Виталька стал серьезно приударять за преподавательницей немецкого языка и даже навестил ее в Балашихе, где эта дама проживала. Что случилось между ними, история умалчивает, но на экзамене по немецкому земляк получил «неуд», за что был отчислен из ВКШ.

Тем не менее, оптимист по жизни, он особо не унывал, и в ближайшее время поступил на службу в московский уголовный розыск.

На этой сессии произошел и довольно забавный случай, который многим из нас памятен поныне.

В числе других мы сдавали экзамен по военной подготовке, которую у нас – моряков, вел капитан 1 ранга Иванов. Это был бессменный опекун и наставник всех без исключения морских групп, со времени их создания в ВКШ.

При всей своей любви к нам, Эдуард Андреевич был достаточно строгим преподавателем и по флотским наукам гонял подопечных как сидоровых коз.

Особенно доставалось прежним «сухопутчикам», которым они давались с трудом.

В числе последних был и бывший авиатор Володя Слепнев, по прозвищу «казак», поскольку он действительно был таковым и происходил из знаменитой станицы Вешенской, что на Дону.

Обладая взрывным темпераментом и недюжинной силой, Володя, тем не менее, был одним из самых доброжелательных слушателей нашей группы, всегда готовым прийти на помощь товарищу, за что пользовался уважением.

Накануне экзамена, в нашей комнате откуда-то появилось несколько литров медицинского спирта, скорее всего полученного кем-то из ребят в посылке. Так как экзамен по военной подготовке был завершающим, мы решили спирт употребить после его сдачи.

Первыми «отстрелялись» мы с Нечаем и, вернувшись на Хавскую в самом радужном настроении, наполнили веселящим напитком графин, в котором обычно находилась вода. Отыскался в общих запасах и солидный кусок сала, который приехавшие вслед за нами Екименко с Мазаевым дополнили привезенными с собою батонами и овощами.

Быстро организовав стол, мы без промедления приняли по четверти стакана, закусили и стали ждать остальных. Каждый вновь прибывший встречался радостными возгласами и той же мерой спиртного.

Последним, весь в мыле приехал взъерошенный Слепнев, который заявил, что Эдик (так между собой мы звали Иванова), гонял его до седьмого пота, но в итоге поставил «хорошо».

В комнате раздались бурные овации и, поскольку Вовка явно нуждался в допинге, казаку набулькали полный стакан.

Едва он его взял, открылась входная дверь, и в комнату неспешно проследовал начальник первого факультета полковник Кузнечиков, сопровождаемый начальником нашего курса

Андреевым. Все вскочили со своих мест, а Слепнев застыл у стола с судорожно зажатым в руке стаканом.

– Сидите, сидите, – благодушно пророкотал Кузнечиков. – Ну, как экзамен? Надеюсь на уровне?

– Точно так, товарищ полковник, – проблеяли мы, с трепетом ожидая неизбежного разоблачения.

Однако начальники продолжали доброжелательно улыбаться, ошибочно отнеся наши покрасневшие физиономии к трудностям сдачи экзамена.

– Слепневу, наверное, досталось больше всех, вон как вспотел, – включился в разговор Андреев. – Чего тянешься, вижу, что в горле пересохло, выпей водички (кивнул на стакан).

– А-ага, – просипел Вовка и неотрывно глядя на полковников, высосал оттуда все содержимое.

– Ну, отдыхайте, ребята, заслужили, – подвел итог Кузнечиков, и начальство покинуло нас, величественно направившись дальше.

Несколько минут в комнате стояла мертвая тишина, нарушенная заплетающимся голосом Слепнева.

– А все – таки, наука Эдика, это поэма.

Через три года, в экстремальной ситуации в море, Володя проявил недюжинные мужество и стойкость, а впоследствии, в Администрации Президента дослужился до генерала.

После сдачи экзаменов мы, достойно отпраздновали это событие в только что открывшейся на Октябрьской площади «Шоколаднице» и выехали на первую оперативную стажировку на Флот.

Половина группы на Балтику – в Ленинград, остальные, на Черное море, в Севастополь.

Добирались туда самостоятельно, в гражданке, имея в чемоданах мичманки с белыми чехлами и летнюю форму сверхсрочников.

Высадившись на Московском вокзале, наша часть группы проследовала в Особый отдел КГБ СССР Ленинградской военно-морской базы, руководством которого была распределена по флотским частям и учреждениям.

Мазаев и я попали в бригаду строящихся кораблей, располагавшуюся рядом с площадью Труда, Нечай – в одно из высших военно-морских училищ.

Нашим с Володей наставником стал обслуживавший бригаду оперуполномоченный Валерий Пшеничный. Он был в звании старшего лейтенанта, примерно тридцати лет, отличался броской южной внешностью и оказался моим земляком из Донецка.

С первых же дней между нами и Пшеничным установились самые дружеские отношения. Обязанности наставника он выполнял ненавязчиво и без амбиций, передавая нам тот опыт работы, которым обладал сам. А он оказался немалым.

Дело в том, что находясь в названной должности и считаясь одним из наиболее перспективных работников отдела, Пшеничный не имел высшего и даже среднего специального образования. По тем временам, это было необычно. Но так было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.